

DOI: 10.22363/2224-7580-2025-3-98-105
EDN: GKULZT

NOVUM VERBUM. НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРIT ФУТУР-ИСТОРИЯ?

А.И. Неклесса

*Институт Африки Российской академии наук
Российская Федерация, 123001, Москва, Спиридоновка, 30/1*

Аннотация. Статья посвящена методологическим аспектам изучения социальной эволюции, внимание обращено на необходимость развития методов анализа/прогноза сложных антропогенных состояний. Мы привыкли иметь дело с опытом прошлых ситуаций, упакованным в образовательный нарратив и технологическую практику, однако усложнение антропокосмоса – его экспансия, глобализация, диверсификация, другие формы реорганизации – требует трансформации когнитивного инструментария. Человечество, проходя сквозь бутылочное горлышко цивилизационного транзита, осваивая открывающиеся возможности, формирует социальное пространство, где резко возрастает активность индивидов, групп и сообществ, умножая богатство доступных альтернатив.

Ключевые слова: знание, методология, теория систем, сложность, история, антропокосмос, эволюция, цивилизационный транзит, активное представление будущего

В саду обитает больше растений, нежели посажено садовником.

Испанская пословица

Введение

Сложная, динамичная природа бытия превышает возможность сознания ее полноценно воспринимать и интерпретировать. Мир для человека изначально неведом, изменчив и хаотичен, а знание о нем – неполное, фрагментарное. Обретая опыт, мы все же познаем закономерности физического и антропологического космоса, выявляем закономерности состояния и логику перемен, поскольку универсуму присущ порядок, хотя далеко не всегда он внятный или даже умопостигаемый. Однако в процессе познания расширяется также пространство соприкосновения с непознанным, то есть сумма неизвестного возрастает.

Антропологический космос продуцирует все более сложные состояния и качественно различные ситуации [1. С. 4–25]. Транзитное состояние социальной Вселенной, ускорение и масштабирование перемен диктуют

переосмысление эпистемологических канонов¹. Предчувствие серьезного изменения международной архитектуры – еще один аргумент в пользу императивности пересмотра концептуальных подходов в сфере социального и гуманитарного знания.

Ситуация в этой области, по крайней мере отчасти, есть следствие системной эволюции мира. В XX столетии заметно менялся социальный, политический и культурный ландшафт планеты. В начале века возникает СССР как опыт альтернативного мировидения и мироустроительной практики, затем Союз распадается вместе со сложившимся вокруг него «социалистическим содружеством». В ходе глобальной перестройки деколонизируется значительная часть зависимых территорий, образуется мировое большинство – пестрая среда, конвертируемая (с переменным успехом) в систему объединенных наций. Появляются «большие проекты», связанные с трансформацией национальной и международной архитектуры, утверждаются и обустроиваются постимперские и постколониальные нации, создаются обширные геоэкономические композиции, международные объединения различного толка, региональные системы безопасности, наделенные особыми правами.

Проблемы порождают решения. Обилие вызовов, разнообразие нестроений, излом линий социального горизонта стимулируют усилия по рационализации мировой ситуации, выходя за пределы адаптированных клише. Сдвиги в миропорядке генерируют новые методы познания, объединяя системный подход с глобальным, долгосрочным моделированием и междисциплинарным трансфером инструментария, претендуя на предвидение, планирование и проектирование в протееобразной среде цивилизационного транзита. Изменения в восприятии и трактовке актуальных процессов и ситуаций отражаются в моделях и методах организации релевантной феноменологии, активном представлении будущего и способах получения результата.

Архитектоника истории и ее экспериментальная архитектура

Исторический процесс – большая, сложная, динамическая система, развитие которой определяют не столько количественные факторы, сколько качественные изменения и переходы. Иначе говоря, развитие есть обретение

---

¹ В истории существовали различные подходы к пониманию знания и его организации. Так, классическая древнегреческая триада знания строилась на разделении теории, практики и искусств («технологий»); пифагорейский же акцент делался на опознании и усвоении (причем на уровне вселенской онтологии) гармоник бытия, отраженных в закономерностях чисел и музыкальном строе. А один из центральных моментов многолетней полемики Варлаама Калабрийского и Григория Паламы о сути знания заключался в противопоставлении знания как такового («универсального лекарства») и способности его воспринять [2. С. 34–37]. Еще один подход к организации знания как такового – эпистемологическая тетрама матрица, которая интегрирует четыре его аспекта: (а) рациональное и отчуждаемое, то есть дисциплинированное социогуманитарное рассуждение и наука как экспериментально подтвержденные гипотезы; (б) рациональное и неотчуждаемое: профессиональное мастерство *ad hoc*; (в) нерациональное и отчуждаемое: художественное творчество; (г) нерациональное и неотчуждаемое: интуитивное, органистичное.

антропологической популяцией все более эффективных качеств, а история, подобно развивающемуся организму (детство, отрочество, юность... – палеолит, неолит, бронзовый век... и т.д.), демонстрирует коэволюцию цивилизационных траекторий локальных и региональных популяций в поиске, обретении и реализации общего маршрута человечества.

Особая проблема – уяснение процедуры смены эпох: хаотизации сложившейся организации и становления нового устойчивого состояния, успешность чего, однако, не гарантирована. Другими словами, внимание сдвигается с анализа устойчивых состояний на механизм их трансгрессии. Примером подобного интереса может служить процесс модернизации, особенно его превратности в развивающихся обществах [3. С. 3-11]. Процесс в свое время был подробно проанализирован и описан Шмуэлем Эйзенштадтом как переход от традиционного общества к современному, – то есть модернизация, различным образом протекающая в разных культурах и локальных цивилизациях [4. С. 1–29].

Социальные дисциплины, имея дело со столь изменчивой фактурой (человек *per se* и социальные композиции), отличаются категориальной гибкостью и языковым многообразием из-за отсутствия – в резком контрасте с естественными науками – полностью независимых от воли и желаний людей констант и законов, инвариантных к мигрирующей точке зрения. Преобладает подвижная феноменология с различным образом толкуемыми закономерностями, постулатами, консенсусными аксиомами. Но утвердившиеся в социокультурном обороте категории со временем меняют вложенный в них смысл, порой существенно и даже радикально.

Кроме того, практическое знание тесно переплетено с конъюнктурой, что нередко затрудняет объективный анализ, создание рабочих (работающих) моделей и устойчивых прогнозов. Социальная мысль, адаптируя когнитивный поиск к желаемым результатам, рискует уплощением, утрачивая стратегическую глубину и порождая ментальные технологии – инженерное искусство *ad hoc* или производство конъюнктурных эрзацев знания.

В нынешней ситуации актуальна дискуссия о совершенствовании методов моделирования практики и развитии специфического языка социогуманитарных штудий: семантике анализа-диагноза-прогноза, устойчивой к субъективным предпочтениям (в чем-то аналогично роли математики в естественных науках).

Эпистемологическая перезагрузка

Обновление аналитических/прогностических практик и трансфер дисциплинарного инструментария ведут к расщеплению рамки «окна Овертона»².

² В XX веке кризис организации и оборота знания в сфере практики был отчасти амортизирован (с учетом расширяющегося дисциплинарного горизонта, умножения феноменологии и более изощренного дискурса) становлением общей теории систем, ее влиянием на методы управления в простых и комплексных средах, а также генезисом теории сложных процессов и осмыслением некоторых ключевых закономерностей динамического хаоса. Свою роль

А в конечном счете – перевороту, трансгрессирующему системный подход в прежнем понимании, знаменуя (1) осознание его *принципиальной неполноты* и (2) развитие *нового поколения* методов анализа, планирования и управления социальными объектами. Изменчивость земных композиций повышает требования к искусству и теории интеллектуального конструктивизма, а тень «скрытой угрозы» предполагает должное внимание к вероятности столкновения с неожиданностями в русле цивилизационного транзита. Но и этот подход к познанию лишь дискурсивная карта, суммирующая закономерности антропокосмоса, и, несмотря на большой прагматизм, она также неполна и фрагментарна.

Конвенциональное знание порой не просто неспособность успешно толковать, но и опознавать феноменологию новизны, а заодно отличать невнятности «настающего настоящего» и протуберанцы грядущего от теней неоархаик и артефактов цивилизационного слома. Дональд Рамсфельд как-то заметил: «Есть вещи, о которых мы знаем, что их знаем. Есть известные неизвестности, о них мы знаем, что пока их не знаем. Но есть еще и неизвестные неизвестности – вещи, о которых мы не знаем, что их не знаем» [5]. Тень этих «неизвестных неизвестностей» провоцирует размышления о последствиях маловероятных, но высокоэффективных событий.

Вспоминается также методологическая экзотика Андрея Колмогорова, отраженная в следующей его сентенции о потоковой проблематике: «Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье–Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны – что гораздо важнее всех доказательств» [6]. И схожий метод решения задач Сринивасой Рамануджаном.

Во вскипающем социальном бульоне трансформируются фундаментальные представления об архитектонике и архитектуре практики, имея в качестве вызова образ системы без внешних границ. В общем, «когда дует ветер, можно строить стены, а можно мельницы».

Эпоха перемен

Поливариантная картография перемен пестрит развилками, коллизиями, новыми императивами: не знание, а понимание, не факт, а тенденция, не структура, но состояние.

Стратегическая инициатива подобна дорожной карте, где расчет маршрута производится исходя не из ранее апробированных топографических калькуляций, но в соответствии с перманентно обновляющейся практикой, ее

сыграли также достижения в сфере компьютеризации, освоение потенциала больших баз данных при возрастании скорости их обработки, расширении спектра добываемой смысловой информации, ее рекомбинаций и аккумуляция оригинальных идей. Изучаются творческие возможности искусственного интеллекта, предсказательная сила неопределенных информационных массивов (эффект черного ящика – усечение осмысления в духе «копенгагенской интерпретации»), эффекты фрактального анализа хронологических матриц, их топологического исчисления с применением принципа дополнительности и логики случайностей и т.д.

эмерджентностью и наличными возможностями. Исследовательская палитра сегодня замещает глобальность фрактальностью, опровергает долгосрочность нелинейностью, а дисциплинарные обобщения вытесняются трансдисциплинарным гештальтом и перспективной уникальностью.

Соответствующим образом меняются и критерии мастерства элит в соответствии с классом возникающих ситуаций и задач, раздвигая горизонт возможного. Качество управления должно соответствовать либо превышать уровень сложности курируемых систем. Акторы нового века осваивают и продуцируют комплексную, динамичную, «запутанную» среду взаимодействий, девальвируя привычную логику действий и постулируя заметно иной тип управленческой культуры [7. С. 39–55]. Поиск эффективных решений начинает доминировать над распределением результата, казуальность дискредитирует каузальность, а устойчивость зависит не от равновесия и его верификаций, но от притока энергий и умения взаимодействовать с турбулентной средой.

Условие успеха – способность своевременно отыскивать, усваивать и применять адекватные обстоятельствам коды практики, что предполагает присутствие критического числа сложноорганизованных личностей. Искусство стратегии – динамичное мастерство, эффективная преадаптация к меняющимся обстоятельствам, и по сути синтез атакующей разведки, анализа действий, направленных на освоение будущего (проактивность), мониторинга и нейтрализации надвигающихся угроз (превентивность), упреждающего заполнения обнаруживаемых ниш (преэмптивность).

Изучаются возможности художественного гештальт-анализа (арт-гипотез), внешнего влияния на аттракторы систем, формализуются методы рефлексивного, акупунктурного, рефлекторного, роевого (на основе семантического мультипликатора) управления генеральными субъектами, маршрутизацией операций, прочими критическими акторами, структурами, процессами и состояниями.

Поисковая же активность связана с освоением глубин когнитивной сложности: изучением свойств больших самоподобных систем, возможностей эпигенетических модуляций развития, анализом мерцающих, потоковых, полевых моделей организации, результативностью неклассического оператора (*e.g. serendipity*) и синергичных взаимодействий. Все это ставит исследователей перед фундаментальными методологическими вызовами.

Коды развития

Человек мыслится в этой динамичной среде не хором исторического действия, комментирующим происходящее на мировой сцене, но активным персонажем – актором и агентом перемен. Ретроспективный анализ (анамнез) становления современной ситуации позволяет отчасти опознать логику ее генезиса и диалектику конфликта.

Доминантный алгоритм развития новоевропейской цивилизации, обретающей со временем планетарные пропорции, может быть прочитан

следующим образом: *Возрождение* – создает гуманистическую культурную платформу, постулирующую значимость человеческой личности; *Реформация* – формирует координаты деятельного бытия и нравственность целеполагания; *Просвещение* – развивает социальную ментальность и проектирует реорганизацию земного космоса; *Современность* – воплощает политический и правовой дизайн в виде действующих институтов и процедур.

Сопутствующий данному алгоритму код подобен по форме, но отличен по мотивациям, включая волевою (внеправовую) установку преобразований. Его модель также содержит четыре такта: (а) романтическую культурную матрицу («человек может все»); (б) личностный и коллективный активизм; (в) амбициозное утопическое планирование; (г) произвольную структуру параллельной («опричной») власти. С упрочением агентивности человека, повышением эффективности его инструментария и расширением инструментальных возможностей влияние этого социокода усиливается, мутагенный эффект возрастает. Матричная оболочка, сопрягая, интеллект и аффект, асимметрично синтезирует алгоритмы, которые, подобно биологическим хромосомам, дирижируют историей.

Футур-история

История оперирует фактами, футур-история – познанными закономерностями. Обстоятельства в точках бифуркации отличны от привычного опыта, будущее все-таки необязательно рассматривать сквозь призму прошлого.

Реализация будущего как иного превосходит представления о должном, имеющем основания, но не имеющем бытия. Это скорее камертон, чем сценарий. Ускоряются процессы, возникают завихрения, поток демонстрирует слияние множества эмпирических ситуаций. Вводимые в оборот неклассические паллиативы пытаются переутвердить *de facto* свою аналитическую эффективность и прогностическую состоятельность. В гибридной среде, где освоение реальности сталкивается с ограничениями практики, ощутимы резонирующие в социальных конструкциях обертоны, порождая трещины не только в них, но также в производстве и упаковке знания о них.

Экспансия антропологической вселенной подразумевает в качестве предела не *количественное* исчерпание пространства – прилив энергий реализуется в не имеющем внятных ограничений *качественном* развитии. Не воплощенный до времени модус – это своеобразная суперпозиция популяции, сумма представлений и воля, определяющая будущий образ жизни: сцепление трансграничных персонажей с платформами суверенных территорий. Ойкумена, проходя сквозь бутылочное горлышко цивилизационного транзита, продвигается к вероятностному состоянию: дополнительности национальных терминалов с трансграничной оболочкой планеты.

Мир людских потоков – констелляций и нитей антропокосмоса – осваивает возможности, превращая их в вероятности, формируя фазовое пространство, где резко возрастает витальность, умножая богатство альтернатив. «Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени

возрастает. В равновесии молекула „видит“ только непосредственных соседей и „общается“ только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы „видит“ всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает» [8. С. 46–57].

Чем разнообразнее мир, тем сложнее сдерживать реализацию его онтологии. Наука – влиятельный язык, по-своему, в рамках экспериментальной конвенции, транслирующий обитателям «аквариума Хокинга» [9] трофеи знания, обретенного на пути в будущее.

Сознание противостоит природе, включая собственную. Метавселенная, простирающаяся за линиями горизонта, то есть по ту сторону географически обусловленной, обжитой и осмысленной сферы антропокосмоса, – трансфинитная среда, гибкая многомерная действительность (вкуче с суммой ее имитаций). Заселять же и осваивать ее предстоит совместно со структурами, наделенными искусственным интеллектом и гибридной природой, постигая сущность «нечеловеческих агентов» [10. С. 10–11] и приоткрывая дверь к «опасным сверхсложностям» [11].

Литература

- [1] *Неклесса А. И.* Три глобуса Ойкумены. Эволюционная траектория антропологического космоса // ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск «Эволюция». 2023.
- [2] *Неклесса А. И.* Прыжок лягушки. Кризис мировидения // СИНЛА/ИНТЕЛПРОС. 2013. № 1 (18).
- [3] *Неклесса А. И.* Постколониальность как лейтмотив и ландшафт цивилизационного транзита // Век глобализации. 2024. № 3 (51). С. 3-11. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.01.
- [4] *Eisenstadt S.* Multiple Modernities // *Dædalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences.* Winter. Issued as Vol. 129, № 1, of the Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 2000. P. 1–29.
- [5] *Rumsfeld D.* Press Conference by US Secretary of Defense, Donald Rumsfeld. 2002. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020606g.htm>
- [6] *Арнольд В. И.* Динамика, статистика и проективная геометрия полей Галуа. Москва : МЦНМО, 2005. 72 с.
- [7] *Неклесса А. И.* Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 39–55. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04.
- [8] *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
- [9] *Хокинг С., Млодинов Л.* Высший замысел. Москва : АСТ, 2022. 256 с.
- [10] *Schatzki T.* Introduction: Practice Theory // *The Practice Turn in Contemporary History* / ed. by T. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. Savigny. v. London & New York : Routledge. 2001. P. 1–14.
- [11] *Sloterdijk P.* (with *Heinrichs H.-J.*). 2011. Neither Sun nor Death. Semiotext(e). 367 p.

NOVUM VERBUM. WHAT LANGUAGE DOES FUTUR-HISTORY SPEAK?

Alexander I. Neklessa

*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
30/1 Spiridonovka, Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the methodological aspects of the study of social evolution, attention is paid to the development of methods for the analysis/forecast of complex anthropogenic situations, the dynamics of the scientific apparatus, transdisciplinary transfer and the development of cognitive tools. We are used to dealing with the experience of past situations, packaged in an educational narrative and technological practice. However, the complication of the anthropocosmos, its globalization, diversification, and other forms of reorganization stimulate the transformation of the knowledge environment. Humanity, passing through the bottleneck of civilizational transit and mastering opportunities, forms a social space where the activity of individuals, groups and communities increases dramatically, multiplying the wealth of available alternatives.

Keywords: epistemology, methodology, systems theory, complexity, evolution, anthropological cosmos, civilizational transit, history, futur-history